

83.3 (2 Poc = PyC)!

T33 - 4551

TP

~~28881~~
МЧБ
~~VIII~~

83:3 (280cc Ред.)

Т33

И. ТЕНЕРОМО.

ВОСПОМИНАНИЯ

о Л. Н. ТОЛСТОМЪ и его письма.

Цѣна 60 коп.

т. ф.

Л. 158771-1

75457182
Библиотека
г. Тула

Издание редакции журнала „ОБРАЗОВАНИЕ“.

1914

МУК «Тульская
библиотечная система»

Типографія Б. М. Больфа. Спб., Разъѣзжая 15.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
1. Поль Дерулэдъ	1
2. Партии	8
3. Н. Н. Ге	12
4. В. К. Фрей	18
5. М. А. Стаковичъ	25
6. И. Е. Рѣпинъ	31
7. Соціализмъ	35
8. Новая заповѣдь	43
9. Пожаръ	48
10. Эпизодъ изъ Севастопольской войны.	54
11. Л. Н. Толстой въ школѣ.	58
12. Въ школѣ	62
13. Разсказъ старушки	67
14. Новая пора	70
15. Александръ I	73
16. Колонизация евреевъ	80
17. Вегетаріанство	83
18. Сіонизмъ	88
19. Палкинъ	100
20. Іоаннъ Кронштадтскій.	103
21. Еврейскія легенды	113
22. Еврейскій вопросъ	116
23. Голодъ.	125
24. Въ опалѣ.	132
25. Сборъ для голодающихъ	136
26. Разумъ	144

Письма Л. Н. Толстого.

Стр.

27. Отзывъ Л. Н. Толстого о его письмахъ къ И. Тенеромо	155
28. Объ основномъ принципѣ	156
29. О наступившемъ разочарованіи	159
30. О вѣрѣ и принципахъ	161
31. О единеніи съ людьми	163
32. Мѣрило жизни христіанской	168
33. Какъ нужно писать рассказы	170
34. О деньгахъ	172
35. Желаніе гоненій	175
36. Лепта вдовицы	177
37. Связь съ деревней	179
38. О колонизаціи евреевъ	181
39. Тяжело быть на волѣ	182
40. О мастерскихъ	183
41. Совѣтъ	184
42. Какъ Толстой писалъ „О жизни“	185
43. О служеніи истинѣ	186
44. Отзывъ	188
45. О голодѣ	190
46. Факсимиile Л. Н. Толстого	193

Поль Дерулэдъ.

Небольшой артелью въ восемь косарей, среди которыхъ былъ и Левъ Николаевичъ, мы косили дѣлянку свою въ молодомъ саду близъ дома въ Ясной-Полянѣ. Это было лѣтомъ 86 года.

Рано вышли мы на покосъ и до завтрака успѣли много выкосить: мягкая, росистая трава такъ и ложилась плавными рядами подъ косой.

Левъ Николаевичъ былъ въ восторгѣ и шелъ, не отставая отъ косарей, работая „захватисто“, какъ говорилъ о немъ первый косарь Прокофій.

Солнышко поднялось высоко, и артель, добивъ ряды, расположилась завтракать. Вдругъ видимъ, съ пригорка скачутъ Андрюша и Миша (два меньшихъ сына Л. Н.).

— Папа,—запыхался Миша, любимецъ отца,—
къ тебѣ пріѣхалъ кто-то, заграничный!..

И повернули назадъ.

— Ишь, стрекачи!—пустилъ имъ вслѣдъ Прокофій, одобрительно улыбнувшись.—Небось, мужиковатъ не будутъ...

— Коли Богъ надоумитъ,—будутъ!—отвѣтилъ Л. Н. и ушелъ къ гостю.

Черезъ полчаса, когда мы уже снова косили и

успѣли сдѣлать по ряду, на откосѣ освѣщенныя солнцемъ и какъ бы въ зеленой бархатной рамѣ показались стройныя фигуры Льва Николаевича и гостя.

Высокій въ шляпѣ подвижной мужчина быстро подошелъ къ намъ и развязно по-дружески потрясъ мнѣ руку.

— Дерулэдъ!..—въ одно время сказали и онъ, и Л. Н.

— Пріѣхалъ въ Россію,—продолжалъ уже одинъ Л. Н.,—агитировать въ пользу реванша. Былъ въ Петербургѣ, заручился симпатіями, а вотъ теперь заглянулъ и въ Ясную.

Артель наша сбилась въ кучу и окружила гостя.

Дерулэдъ осматривалъ каждого съ любопытствомъ, что-то быстро-быстро бормоча про себя, и чуть не щупалъ пальцами пестрядь рубахи у крестьянъ.

— Да, да, я надѣюсь,—началъ онъ по-французски гортанной звонкой скороговоркой и съ какимъ-то тревожнымъ оживленіемъ въ голосѣ,—я надѣюсь, Россія придетъ намъ на помощь. О, это благородная страна!

— Собственно говоря,—осторожно вставилъ я,—Эльзасъ и Лотарингія не такъ уже чужды Германіи. Вѣдь раньше владѣли этой провинціей...

— Конечно,—перебилъ Дерулэдъ,—страна эта была дочь Германіи, но она вышла замужъ за рыцаря Франціи. И если теперь снова ее забрали родительскія руки, то французскій народъ не позволить. Жена не можетъ уйти отъ мужа, и рыцарь все сдѣлаетъ, всѣмъ пожертвуетъ, но возвратить

похищенную и честь поруганного дома возстановить... Отнятая, варварски отгрызенная страна,— вы посмотрите, какъ она стонеть теперь подъ желѣзной пятой желѣзнаго канцлера. Ее томить тоска, ее тянетъ въ домъ къ мужу, гдѣ она успѣла сжиться, свыкнуться... Это не преувеличение, не пристрастный голосъ обиженного сердца, это мучительная, жгучая правда, что Франція, и только Франція, можетъ быть отечествомъ для несчастныхъ провинцій, несчастьемъ оторванныхъ отъ настъ. И вотъ русскій народъ! Глаза наши, воспаленные отъ ужаса и горящіе гнѣвомъ и мщениемъ, обращены съ мольбой къ великому колоссу славянства. Всѣ надежды наши на дружбу и заступничество этого могучаго титана, который однимъ поворотомъ головы своей, однимъ взглядомъ изъ-подъ густого лѣса бровей своихъ, заставить трепетать зазнавшагося тирана, умчавшаго молодую страну, какъ ястребъ цыпленка...

— О чемъ этотъ баринъ долдонить?—спросилъ Прокофій, все время сосредоточенно слушавшій его страстную на незнакомомъ языке рѣчь.

— Баринъ этотъ—французъ,—пояснилъ я.—У нихъ нѣмцы отняли клокъ земли,—Эльзасъ называется. Вотъ они и хотятъ, чтобы русскіе пособили отбить у нѣмцевъ эту землю.

Прокофій широко улыбнулся и, щурясь на косарей, съ усмѣшкой произнесъ:

— Ну, что-жъ, братцы, пойдемъ отбивать Эльзасію?! Побросаемъ бабъ и двинемъ, а?.. Ну-ка, налаживай, Федя, косу и маршъ!..

Онъ сдѣлалъ два-три легкихъ взмаха косой, обкашивая рѣденьку межевую травку, и,

гнувъ по привычкѣ на правый бокъ, врѣзался въ зеленое море, плавно подаваясь впередъ и оставляя за собой покорно ложащіяся кучи травы съ ровно, какъ подъ скобку, подрѣзанными плачущими стеблями.

За нимъ стала косить и вся артель, въ томъ числѣ и Левъ Николаевичъ.

Дерулэдъ шелъ сзади его и, сторонясь при каждомъ взмахѣ косы, продолжалъ свои горячія воззванія къ русскому народу.

— Вотъ вы говорите, отчество,—обратился къ нему Л. Н., когда мы кончили рядъ и вернулись къ межѣ. Если нѣть у человѣка Бога въ душѣ, и онъ не чувствуетъ голоса его, онъ поневолѣ создаетъ себѣ добавочные, замѣняющіе принципы и, служа имъ, думаетъ, что служить высшимъ интересамъ духа. Брань, обида, месть,—это все такие жгучіе горячіе угольки, которыхъ не можетъ удержать ни рука наша, ни душа. Непремѣнно нужны особья ложки или совки желѣзные. И вотъ, простите, глазастый принципъ дурно понятаго отечества и есть именно такой совокъ. Онъ не даетъ вамъ чувствовать, какія опасныя вещи у васъ въ рукахъ, и вы спокойно разбрасываете огонь по всему миру, зажигая имъ страсти въ людяхъ и соблазня ихъ жаждой крови чужой. Разумѣется, можно увлечь и нашъ народъ въ опасную авантюру, можно уговорить его идти на нѣмцевъ изъ-за дальней „Эльзасіи“, но слишкомъ много соблазна и насилия нужно употребить, и слишкомъ большой грѣхъ берутъ на душу тѣ, кто пробуютъ его уговорить и увлекать... Вы видѣли, какъ отнесся къ вашимъ словамъ этотъ косарь, Прокофій, простой

человѣкъ, обвѣянный дыханіемъ земли и растущей жизни на ней. Онъ, какъ глубокій юмористъ, со- знающій ничтожество явленія (сознаніе ничтожества и есть основа юмора), отвернулся съ улыбкой и завизжалъ косой по сочнымъ стеблямъ травы, т. е. принялъ за работу, которая есть, была и будетъ настоящей, чистой, изящной и интересной работой, создающей жизнь. И такъ весь русскій народъ.

Это отвѣтъ всего народа нашего.

Онъ хочетъ жить, работать, быть близкимъ къ землѣ и хочетъ видѣть въ другихъ не звѣрей, на которыхъ надо идти съ вилами и рогатинами, а добрыхъ, чувствующихъ и понимающихъ его братьевъ, одинаково стоящихъ съ нимъ предъ вѣчными вопросами добра и блага, которые одни только важны и существенны въ нашей жизни.

Я не только не могу содѣйствовать вашимъ намѣреніямъ и не могу будить злобныхъ чувствъ среди людей, которые меня читаютъ и слушаютъ, но, напротивъ, отъ всей души хотѣлось-бы сказать людямъ вашей красвой страны, что не нужно мстить, нужно забыть старую обиду и поглубже заглянуть къ себѣ въ душу и лучше жить, какъ людямъ свойственно жить, работая всѣми усилиями духа для счастья и мира людей и приближаясь черезъ это къ Богу.

Не Эльзасъ, не Лотарингія, а правда нужна Франціи.

Нужно распутать, а если нельзя распутать, то порвать ту ужасную сѣть обмана и лжи, которою оплетена страна; освободиться надо отъ лжи клерикализма, который душить страну и пагубой

грозить самимъ нѣжнымъ сторонамъ жизни ея; надо вытравить национальную рознь въ странѣ, надо разсѣять кошмаръ бюрократизма, надо возвысить народъ въ глазахъ людей, надо трудъ и землю поставить во главу угла и многое, многое еще, которое зреетъ и становится необходимымъ по мѣрѣ работы и углубленія въ дѣло.

Ахъ, какъ все это ясно дѣлается человѣку, когда онъ уходитъ отъ шумихи навѣянныхъ людямъ условностей, и какъ это трудно, почти невозможно, понять ему, когда онъ сидитъ и варится въ соку этихъ условностей, не только ничего не дающихъ душѣ человѣка, но съ жестокой жадностью, подобно сильной кислотѣ, выжигающихъ самое лицо души и оставляющихъ глубокіе явственные слѣды на самыхъ чувствительныхъ мѣстахъ ея...

Не надобно это, вѣрьте, оно не нужно людямъ то, что вы затѣваете, и не тратьте вашихъ молодыхъ силъ на дѣло, лежащее далеко отъ единственного пути, дающаго людямъ благо и радость.

Дерулэдъ пробылъ въ Ясной Полянѣ три дня и всѣ эти дни читалъ „Ma religion“, съ каждымъ днемъ становясь все грустнѣй и грустнѣй.

Его бодрое, несущееся вверхъ, какъ ракета, настроеніе и сознаніе высокой миссіи, съ которой онъ пріѣхалъ въ Ясную, разсѣялись, какъ дымъ, и, взволнованный, растроганный, онъ, кончивъ чтеніе, восторженно произнесъ:

— Я такой книги никогда не читалъ!..

Льву Николаевичу онъ оставилъ на память сборникъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Un soldat“, и, устыдясь содержанія этихъ бездѣ-

лушекъ, хотѣлъ ихъ взять назадъ, но Л. Н. очень нѣжно обошелъ эту неловкость и сохранилъ у себя книжечку Дерулэда.

Стишки мелодичные, гладкіе и недурно воспѣваютъ званіе солдата.

„Въ наши дни,—говорится въ одномъ стихотвореніи,—когда всѣ развинчены, слабы, ничтожны,— кто чувствуетъ себя бодрымъ, стойкимъ и видящимъ ясно свой призывъ?—

Un soldat.

И этотъ герой, отдавши жизнь на полѣ браны и будучи тамъ похороненъ, что желалъ-бы онъ видѣть у себя на могилѣ? Съ какой надписью крестъ онъ хотѣлъ-бы имѣть?..

„Un soldat“.

П а р т і и.

Помню, когда я одно время усиленно обращалъ Толстого въ „соціальну“ вѣру, онъ кротко и твердо отвѣтилъ мнѣ:

— Нѣтъ, я въ эту вѣру никогда не перейду и вообще ни къ какой партіи принадлежать не буду. Вотъ мой берегъ (и онъ указалъ на разстилавшуюся предъ нами тихую деревню), и этого берега я буду держаться всегда!

Сюда, къ народу, вотъ въ эти самыя „по черному“ избы пускай приходятъ всѣ искренніе люди, желающіе блага странѣ и всему миру, пусть живутъ здѣсь, работаютъ, пусть отдаютъ свои силы имъ и пусть прислушаются къ голосу труда, и тогда, повѣрьте, никакихъ партій не будетъ у насъ. Эти партіи, какъ соль, добытая изъ воды, лежитъ кучами и кажется чѣмъ-то особыеннымъ, и кристаллъ отъ кристалла разнится. А пустите ихъ въ воду, и все растворится. Такъ и деревня.—Она море, и въ ней все должно растаять. И благо наше только тогда и будетъ благомъ, когда деревня будетъ властовать въ жизни. Поле, воздухъ, небо и трудящійся братъ, свободный отъ всякаго рабства—вотъ наша стихія, и здѣсь мы должны жить. Если же мы этого не дѣлаемъ, и, ушедши

отсюда, собирались въ кучки и, поработивъ народъ, устраиваемъ себѣ какую-то свою, особенную жизнь, полную вымысловъ и лжи,—то жизнь эта, какъ паутина, узорчата, но не прочна и, какъ паутина же, грязна и запятнана кровью гибнущихъ въ ней. Вотъ почему въ каждомъ изъ насъ, эти умные, правдивые люди деревни невольно видятъ паученка, насосавшагося чужой крови, и съ опаской стоятся отъ него. Да, мы должны еще пройти большой стажъ, стажъ великаго заработка у деревни. Мы должны заработать ея довѣrie и желаніе видѣть въ насть друзей.

А мы, не сдѣлавши первого шага, не побывавъ, не поработавъ и не сроднившись съ душой народной жизни, желаемъ командовать надъ ней и предписываемъ ей разные законы и пути, которые намъ нравятся. И въ своемъ помраченіи воображаемъ, что мы впереди, и что, только благодаря намъ, жизнь движется.

Такъ, вѣроятно, воображаютъ о себѣ размѣстившіяся по длинному хребту широкой рѣки мельницы и сукновальни. Онѣ думаютъ, что могучее теченіе рѣки отъ того и происходитъ, что онѣ колесами работаютъ и гонятъ толщу ея водъ.

Два-три десятка жалкихъ пузырей, въ которые сошлись, какъ въ гнойники, всѣ нездоровые соки тѣла,—разсыпались въ видѣ городовъ на огромномъ пространствѣ великой страны и, взявъ въ руки вожжи, правятъ ею, воображая, что они—голова!. Отбившаяся отъ жизни, но сосущая народъ, горсть насильниковъ, въ безстыдствѣ называющихъ себя лживымъ именемъ просвѣщенныхъ людей.

И, право, для народа, для вотъ этихъ оборанныхъ и вѣками обманываемыхъ людей рѣшительно все равно, какія бы фракціи и подотдѣлы ни были между обитателями гнойниковъ,— онъ во всѣхъ видѣтъ своихъ поработителей и лицемѣровъ, и не вѣритъ,—не вѣритъ ихъ ласкательству и хитрымъ словамъ. Какъ не вѣритъ лошадь Ѣздоку, что онъ ее жалѣеть, покуда онъ сидѣтъ на ней верхомъ и гвоздить ее шпорами. Прежде всего надо слѣзть съ лошади и пойти рядомъ съ ней, если дѣйствительно жалко, что она задыхается и хрипитъ подъ тяжестью твоей.

Отдайте народу, что вы забрали у него, и не нужны будутъ всѣ наши машинноподобныя теоріи машинноподобнаго счастія на землѣ. Исчезнутъ и бюрократы, и революціонеры, и ненужны будутъ ни буржуа, ни соціалисты.

Эти партіи и эта рознь мнѣ всегда напоминали древнее сказаніе о людяхъ, искашихъ могилу Моисея. Они стояли уже на вершинѣ горы Нево, но когда окинули глазами разстилавшуюся внизу долину, то имъ показалось, что могила Моисея тамъ. Тогда они раздѣлились на два отряда, одинъ остался на горѣ, а другой пошелъ на поиски въ долину. И вотъ,—повѣстуетъ легенда,—стоявшимъ на горѣказалось, что могила въ долинѣ, а ходившимъ по долинѣ видѣлось, что могила высится на верху. Такъ они и не нашли могилы Моисея.

И такъ и мы не найдемъ счастья, потому что мы тлѣна ищемъ, мы праха добиваемся. И то намъ кажется, что благо въ крутыхъ мѣрахъ и замашкахъ приказнаго крѣпостничества, то думаемъ, что счастье въ выборномъ насилии большинства. Въ

томъ и другомъ случаѣ мы не получимъ того, чего ищемъ, и того, что намъ нужно, потому что нужно намъ и ищемъ мы, какъ тѣ въ легендѣ, могилы духа, а отъ жизни отходимъ.

Гніющія кости жалкихъ удовольствій и смрадный трупъ личнаго счастія намъ дороже благоухающаго простора любви и яснаго неба свободы, которая всегда жила, и, къ счастью, всегда будетъ жить въ предѣловъ душной тюрьмы городовъ, переполненныхъ кордегардіями и казармами, казармами и кордегардіями. Куда люди идутъ?!

Опомнитесь!..

Н. Н. Ге.

(1886 годъ).

Уже двѣ недѣли Левъ Николаевичъ больной, и хотя болѣзнь начала уступать, но онъ все-таки лежитъ прикованный къ постели. Ни поворотиться, ни присѣсть нельзя, и, чтобы легче было писать и читать, ему сдѣлали приспособленіе изъ доски, косо укрѣпленной надъ кроватью въ видѣ маленькой парты. На этой доскѣ Л. Н. и началъ писать свою пьесу „Власть тьмы“.

У постели безотлучно находится восторженный другъ и поклонникъ Л. Н—ча, известный художникъ, старикъ Ге.

Ге далеко не былъ похожъ на старика, но его называли такъ въ отличіе отъ сына, имя отчество котораго было тоже Николай Николаевичъ. Въ шутку иногда называли его еще Николай Николаевичъ старшій.

Когда я пришелъ провѣдать Л. Н. и направился на верхъ къ нему въ комнату, на порогѣ показался Ге и, усиленно жестикулируя, давалъ знать глазами и игрой мускуловъ на лицѣ, что теперь нельзя войти.

— Спитъ!—благоговѣйно шепнулъ онъ, и мы тихо, на цыпочкахъ спустились внизъ.

— Вы знаете,—съ какимъ-то таинственнымъ трепетомъ началъ Ге, когда мы очутились внизу, въ кабинетѣ.—Я смотрю на него, какъ онъ лежитъ вытянувшись, величественный на постели, и не могу оторваться отъ мысли, что это лежитъ Моисей. Именно онъ, могучій пророкъ Іеговы, бесѣдующій съ нимъ наединѣ. Я и раньше чувствовалъ, что Л. Н. ближе къ пророкамъ древности, чѣмъ къ дѣятелямъ христіанства, но теперь во время болѣзни его, когда я такъ часто смотрю на него и въ особенности сейчасъ, когда онъ уснулъ и медленно закрылъ глаза,—вся фигура его, борода, высокій лобъ съ игрой морщинъ глубокихъ, какъ ущелья Синая,—и весь, весь онъ такъ и рисуетъ въ мозгу ярко, сильно портретъ Моисея.

Величественный образъ!

„Какъ малъ Синай, когда Моисей стоитъ на немъ!..“ Какъ это глубоко сказано.

Этотъ древній, дивный міръ полонъ чарующей таинственности, и, когда я начинаю думать о немъ, когда приближаюсь къ нему, я чувствую, что дѣйствительно надо обувь снять, ибо мѣсто свято.

Возьмите Исаію, напримѣръ. Какая непостижимая сила слова и необыкновенное проникновеніе духа!

Уже съ первой главы какой громъ гремить: „Ваши новомѣсячія и куренія ненавистны мнѣ!“ Или эти обличенія женшинъ съ ихъ зеркальцами, запястьями, луночками и т. д. „И будетъ вмѣсто пышнаго убора волосъ—плѣшь на головѣ, вмѣсто пояса—веревка, вмѣсто украшеній—язвы на тѣлѣ. И народъ, котораго не знали ни отцы ваши, ни

вы,—отведеть васъ въ плѣнъ и выведеть на рынокъ для продажи!“

У насъ, въ Плискахъ, есть очень умный молодой еврей, и мы часто цѣлые вечера проводимъ вмѣстѣ,—я люблю его за какую-то особенную, нѣжную, чисто еврейскую красоту его души. И вотъ я далъ ему разъ прочесть Исаю на русскомъ языкѣ. Надо было видѣть изумленіе и восторгъ этого человѣка.

— Неужели у насъ есть такая книга? Боже мой!

И онъ заплакалъ отъ умиленія.

Я увѣренъ, что многіе изъ евреевъ не знаютъ своихъ сокровищъ, они не читаютъ пророковъ на понятномъ для нихъ языкѣ. Ихъ книжники монополизировали это дѣло, и святыня остается недоступной народу, какъ было и въ тѣ дни, когда Исаю перепиливали пилой пополамъ.

Мой интересъ къ еврейству и особенная привязанность къ нему, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что въ крови у меня течетъ что-то еврейское. Можетъ быть. Хотя нашъ родъ беретъ начало отъ тѣхъ италійскихъ Гаевъ, которыхъ обезсмертило имя Цезаря. И онъ былъ Гай, Юлій Цезарь. Во французскомъ чтеніи оно и выходитъ Нау, т. е. Ге.

Но это, между прочимъ.

Главное, что я хотѣлъ сказать—это то, что и въ Львѣ Николаевичѣ мнѣ нравится это величавое древне-іудейское настроеніе. Мнѣ кажется, что у него и складъ мысли, и сила слога, и характеръ ученія, требующаго прежде всего дѣлъ и исполненія правилъ,—все, все удивительно іудаистично,

потому что Христово христіанство не такъ уже суроно приступаетъ къ горлу человѣка и не требуетъ отъ него жертвъ и подвига, оно не закаляетъ его, какъ Авраамъ Исаака на горѣ; оно какъ-то мягче, нѣжнѣе, прежде всего говорить о вѣрѣ, о спасеніи ею, о помыслахъ, о духовномъ единеніи съ Богомъ.. Да, это совсѣмъ не то, тутъ дѣла и правила послѣ, они второстепенные персонажи.

Правда, и Л. Н. говоритъ о внутреннемъ перерожденіи, о служеніи Богу въ духѣ, о призрачности вѣшнихъ дѣлъ,—но это все у него блѣдно, слабо и дышитъ надуманностью. А когда онъ гремитъ громами обличенія и выдвигаетъ свои батареи на позицію этихъ самыхъ вѣшнихъ дѣлъ,—обстрѣль его разителенъ, могучъ и непобѣдимъ. Онъ великолѣпенъ и пророкоподобенъ именно тогда, когда онъ рисуетъ картину праведной жизни, полную дѣлъ и радостей работы, и когда онъ влечетъ васъ всей силою мощнаго слова на подвигъ, на жертву, на новую жизнь.

Когда мы послѣ пошли наверхъ и вошли въ комнату Л. Н., онъ лежалъ съ открытыми, сіяющими глазами, подернутыми влагой кроткаго оживленія. Со свѣтлой улыбкой и весь свѣтлый, какъ бы лишенный праха въ лицѣ, онъ, видя, что мы вошли обнявшись, тихо произнесъ:

— Вы, вижу, любите другъ друга?—Онъ пожалъ мнѣ руку въ это время, и рука его такой легкой, нѣжной показалась.—Нашъ Учитель только этого и хотѣлъ.

Глаза сильно увлажнились, и вѣки быстро замигали, сгоняя свѣтлую слезу. Въ голосѣ слышна

была сдавленность съ усиленной вибраціей и спазмами, что всегда бываетъ съ нимъ, когда онъ чувствуетъ приливъ вдохновенія и охваченъ нахлынувшими образами. Это чрезвычайно дѣйствуетъ на слушателя. Слово „нашъ учитель“, тихо и искренно сказанное, было произнесено такъ, что ясно чувствовалось въ голосѣ большое „У“—и это мнѣ было особенно радостно.

Этотъ трогательный оттѣнокъ въ голосѣ лучше длинныхъ трактатовъ говорилъ о близости Л. Н. ко Христу.

— Я молился,—продолжалъ онъ,—и только теперь для меня ясна стала Его молитва. Меня долго останавливало въ ней одно слово, которое я всегда произносилъ съ довѣріемъ къ высокому смыслу, вложенному въ него, но постигновеніе его какъ будто все откладывалъ и откладывалъ Обдумыванію оно не поддавалось, а внезапное разумѣніе его все не приходило. Теперь же какъ-то тихо и незамѣтно засіялъ для меня радостный смыслъ этихъ словъ Собственно одно слово. Въ молитвѣ говорится: „И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго“. Почему здѣсь сказано „но“? Скорѣе можно было бы ожидать: „Не введи насъ во искушеніе, и избави насъ отъ лукаваго“. Я справлялся во всѣхъ контекстахъ и древнихъ спискахъ, вездѣ сказано: „но“—по гречески „alla“.

И вотъ, представьте, какой глубокій смыслъ лежитъ въ этомъ коротенькомъ словѣ.

Плохо, трудно приходится, когда мы терпимъ бѣдствія, лишенія, когда мы впадаемъ въ болѣзни, въ нужду, когда не любятъ насъ, гонятъ, въ тюрьму сажаютъ и т. д. Всѣ эти виды горя обо-

значаются въ молитвѣ красивымъ и значительнымъ по смыслу словомъ—„искушеніе“. Насъ испытываютъ, какъ испытываютъ золото, поливая его кислотами и ѳдкими щелочами.

Намъ больно, трудно бываетъ это переносить, и хорошо было бы, если бы насъ искушеніе миновало,—поэтому и сказано—не введи насъ во искушеніе.

Но горе это, горе видимое, не отъ насъ зависящее, выпадающее на нашу долю часто случайно, внезапно, изъ-за угла какъ бы, и всегда касающееся больше тѣла нашего (нужда, узы, болѣзнь). И это еще не такъ ужасно. Ужаснѣе то, что сидить въ насъ, когда мы подвергаемся бѣдствіямъ, наше отношеніе къ горю гораздо важнѣе. Въ этомъ все. Это и есть лукавый, т.-е. обманъ, сидящій въ насъ, и этотъ обманъ представляеть намъ страданія наши всегда болѣе ужасными, чѣмъ на самомъ дѣлѣ,—онъ навѣваетъ на насъ страхъ, рисуя безвозвратную гибель, онъ волнуетъ душу ропотомъ и осужденіемъ, онъ сѣетъ въ ней ложную жалость къ себѣ самой, и ѡдкая кислота искушенія становится дѣйствительно ужасной,—она превращается въ адъ, дымящійся отчаяніемъ и безпросвѣтной тьмою.

Вотъ, что ужасно! Вотъ почему и сказано: но избави насъ отъ лукаваго. Дѣйствительно, „но“, т.-е. гораздо важнѣе, гораздо необходимѣе избавиться отъ внутренняго обмана, сидящаго въ насъ, чѣмъ отъ случайного бѣдствія, которое вѣнчаетъ насъ.

И теперь только я вижу, какой высокій, обаятельный, радостный смыслъ въ этихъ простыхъ, но сильныхъ словахъ.

